

Гуманитарное присутствие России и Китая в постсоветской Европе и в центрально-азиатском сегменте ШОС*

© 2014

Ю. Морозов, Е. Сафронова

Авторы отмечают специфику гуманитарного сотрудничества в Европе как сферы приложения разнородных геополитических сил. В статье анализируются сильные и слабые стороны гуманитарного взаимодействия России, КНР, ряда других стран с центрально-азиатскими государствами, предлагаются возможные направления его развития в рамках ШОС.

Ключевые слова: Россия, Китай, Центральная Азия, ШОС, США, Украина, гуманитарное сотрудничество, «мягкая сила», культура, образование, неправительственные организации (НПО).

В наше время бурного развития информационных технологий стратегическая репутация государства, формируемая в том числе с помощью инструментов «мягкой силы» (МС), стала важным условием приращения его материальных ресурсов.

До сих пор мировая политология не пришла к единой трактовке понятия «мягкой силы». Медийное и экспертное сообщество РФ рассматривает «мягкую силу» зачастую как механизм позитивизации международного образа РФ через ресурсы гуманитарного диалога, «публичной дипломатии» и СМИ¹.

В китайской практической политологии «мягкая сила» предстает как триада следующих элементов: 1) культурный диалог со странами-партнерами; 2) объективное (несиловое, но обусловленное экономическими успехами) лидерство в развивающемся мире, оказание гуманитарной и технологической помощи государствам «третьего мира»; 3) проведение на мировой арене политики сотрудничества со всеми странами. Культурный компонент реализуется с помощью потенциала китайских эмигрантов (хуацяо), «народной дипломатии», распространения китайского языка в мире, в частности, через Институты Конфуция и СМИ².

Итак, «простое» гуманитарное сотрудничество (ГС), «публичная (народная) дипломатия», а также усилия по созданию позитивного образа страны за рубежом — вот «три кита», на которых обычно зиждется «мягкая сила» в понимании СМИ и многих политологов в РФ. На наш взгляд, это триединство может быть реально возведено в ранг «мягкой силы» только в том случае, если оно будет дополнено четвертым компонентом — мировоззренческой установкой продуцирующего их государства. Установкой, сог-

Морозов Ю.В., кандидат военных наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: morozovyury51@yandex.ru.

Сафронова Е.И., кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН. E-mail: louzela@rambler.ru.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект №14-27-21002.

ласно которой это государство будет четко представлять себе, какие именно политические, экономические и иные цели оно намерено достичь несиловыми методами. Могут ли свод его морально-этических и культурных ценностей, а также модель социально-экономического развития побудить его мировых партнеров следовать в русле его политики не по принуждению, а по причине общественно-политической и культурной привлекательности этого государства? Видимо, это те вопросы, на которые стоит ответить, если мы хотим высокой эффективности и осмысленности нашей «мягкой силы».

На наш взгляд, «мягкая сила» — это не только гуманитарное сотрудничество, «народная (публичная) дипломатия» (НД) и работа государства по формированию его позитивного имиджа. Цель гуманитарного сотрудничества и НД — формирование климата доверия как благоприятной среды для более масштабных политико-стратегических и экономических инициатив, а также улучшение образа страны в мировом восприятии. В случае МС — это овладение умами в государстве-контрагенте настолько, чтобы оно не просто одобряло *modus vivendi* (образ жизни) и *modus operandi* (образ действия) страны-партнера, но и добровольно приняло бы их как модели для подражания.

Поскольку ныне гуманитарное сотрудничество зачастую расценивается как главный компонент МС, то рассмотрению некоторых его аспектов на пространстве ШОС и посвящена данная статья. Учитывая существующие разночтения термина «мягкая сила», авторы позволили себе там, где это не нарушает смысла повествования, заменять его термином «гуманитарное сотрудничество». При этом подразумевается, что гуманитарную деятельность страны по значимости можно поставить в один ряд с ее внешнеполитической и экономической активностью, направленной на обеспечение государственных интересов за рубежом.

Гуманитарное сотрудничество в постсоветской Европе как сфера проявления различных политических сил: уроки для России

После распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после “холодной войны” «статус-кво» нарушаться не будет, и Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию ГС с бывшими республиками СССР. Она финансировала там свои мероприятия “мягкой силы” по остаточному принципу в расчете на то, что молодые государства экономически и исторически и так прочно связаны с Россией.

Запад же во главе с США действовал явно или тайно. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций (НПО) он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» в соответствии со своими интересами общественное сознание, культуру и даже мировоззрение. В силу этого ряд государств европейского региона стал переориентироваться от РФ в сторону США и ЕС. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, продвигать имидж и пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно. Сначала эта переориентация была осуществлена странами Восточной Европы и Балтии, а затем (в 2008 г.) — и Грузией.

В результате, когда РФ оказала помощь Южной Осетии, защитив ее население и своих граждан — военнослужащих и гражданских лиц — от очевидного агрессора, она в итоге оказалась в изоляции, а в иностранных СМИ — то есть в глазах «мировой общественности» — была представлена в качестве стороны, инспирировавшей конфликт. Так ей был дан серьезнейший урок на тему роли и значения информационных и имиджевых технологий.

В 2011 г., в преддверии украинского кризиса, США увеличили финансирование своих НПО, действующих на Украине, более чем вдвое. Результатом стала интенсифика-

ция процессов объединения НПО в разветвленные сетевые структуры. Американцы и их партнеры создали плацдарм внутри страны: обосновавшиеся на Украине разнообразные фонды и институты, как правило, «неправительственные» и «независимые» по названию на деле финансируются из бюджета правительств западных государств³.

В разгар кризиса в 2013 г. Америка выделила Украине более 100 млн долл. в качестве помощи в реализации реформ, необходимых для подготовки к процессу «евроинтеграции». В целом Вашингтон потратил более 5 млрд долл. на помощь Киеву в достижении целей, реализация которых должна была «стать залогом благосостояния и демократичности Украины»⁴. Но эти средства были предназначены не только для формирования прозападного курса страны. Главная цель финансирования — осуществление русофобского, да еще с неонацистской начинкой проекта по отрыву Украины от России по аналогии с произошедшим ранее со странами Восточной Европы и Балтии.

Какие же меры предприняла Россия для того, чтобы не допустить повторения грузинского сценария применительно к Украине и сохранить положительный имидж в глазах зарубежной общественности?

Москва избрала тактику невмешательства во внутренние дела Украины. Киеву разъяснялись экономические последствия, к которым привело бы заключение соглашения об ассоциации Украины с ЕС в версии, предлагавшейся к подписанию на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Единственное, что позволила себе Москва — это восстановить историческую справедливость, присоединив к РФ Крым после проведения там референдума по этому поводу.

Данный шаг в конечном итоге вызвал глубокий кризис в отношениях Москвы и Киева на фоне активной поддержки Вашингтоном и Брюсселем прозападного выбора Украины. Россия была обвинена во всех проблемах украинского общества и в глазах мировой общественности вновь стала «агрессором».

Казалось бы, по сравнению с США, у России в диалоге с Украиной есть более весомые «козыри» не только в экономической, но и в гуманитарной сфере: общая история и культура, многочисленные диаспоры и трансграничные родственные узы и многое другое, что неразрывно связывает россиян и украинцев. Для сохранения и укрепления этих связей Москве было необходимо не только задействовать потенциал структуры МИД РФ — Россотрудничества, но и активно противостоять антироссийской пропаганде и практике хотя бы путем работы по развитию культурного присутствия РФ на Украине через скоординированную реализацию гуманитарных, образовательных и лингвистических проектов.

Увы, если что и было сделано Москвой в этом направлении, то по сравнению с усилиями Запада этого оказалось явно недостаточно.

В международной жизни есть немало примеров, свидетельствующих о том, что гуманитарное влияние — это не какая-то дополнительная опция к традиционному внешнеполитическому арсеналу государства, состоящему из политических, экономических, дипломатических и/или военных возможностей, но самостоятельный, самоценный раздел международного курса государства.

И если по тем или иным причинам Россия недооценила важность соответствующей деятельности в Европе, то ей следует не упустить из внимания ситуацию в другом форпосте российских интересов — Центральной Азии (ЦА), где наращивают влияние не только Запад, но и другие внерегиональные силы. Эта необходимость связана с намерением РФ переориентировать вектор ее экономического и политического развития с Запада на Восток, в том числе ввиду кризиса на Украине и западных санкций, наложенных в связи с воссоединением Крыма и России.

Гуманитарное сотрудничество России со странами Центральной Азии: проблемы и пути их решения

В сфере культурно-гуманитарного взаимодействия со странами Центрально-азиатского региона (ЦАР) Россия больше сориентирована на государства-члены СНГ, поскольку там ее лидерские возможности наиболее заметны. А в рамках ШОС РФ нацелена на развитие тех сфер сотрудничества, которые способствуют консолидации ее позиций в Организации, но с учетом влияния другой «стержнеобразующей» страны ШОС — Китая.

Большой пласт населения центрально-азиатских стран-членов ШОС продолжает считать русский язык и культуру частью своей национальной истории, а их изучение — «ступенькой» для карьерного роста. В этих государствах проживает значительное количество этнических русских, составляющих до 20% их населения. Тесные культурные связи РФ со странами ЦА позитивно влияют на российский имидж в регионе. Как показал опрос, доля населения, доброжелательно относящегося к России, в государствах ЦАР является более высокой, чем в других постсоветских странах. Так, в Казахстане она составляет 84%, Узбекистане — 85%, Кыргызстане — 84% и в Таджикистане — 90%⁵.

За последние годы были заключены межправительственные соглашения об открытии российских центров науки и культуры с 18 государствами, в частности, со странами центрально-азиатского региона — Киргизией и Таджикистаном, а также с некоторыми сопредельными государствами, в числе которых находится Китай.

В ближайших планах — учредить до 2015 г. культурные представительства в Уральске (Казахстан), Оше (Киргизия) и в Худжанде (Таджикистан). При этом организация подобных центров — не самоцель. Главная сфера приложения усилий — это люди, местные аудитории, уже обретенные и потенциальные друзья России.

В 2014 г. планируется принять комплексную Стратегию расширения гуманитарного влияния России в мире. Документ является беспрецедентным для РФ. В некоторых вопросах его разработчики вынуждены, по сути, «вспахивать целину». «Списать и посмотреть» не у кого, многое приходится творить собственными силами, сверяясь с позициями руководства страны и заинтересованных ведомств. Но одной Стратегии недостаточно. Нужны практические решения, в том числе ресурсные, кадровые и прочие, с которыми пока не все успешно складывается. Сложность процесса усугубляется рядом проблем, затрудняющих продвижение позитивного имиджа России в ЦА и обоснование привлекательности сотрудничества с РФ.

Так, одним из препятствий является *сокращение масштабов изучения русского языка и влияния системы советского/российского образования*. Во многих странах ЦА был закрыт целый ряд русских школ, что вызвало сверхзагруженность оставшихся. Проблема нехватки русских школ усугубляется недостаточностью числа учителей и уровня их подготовки. При поступлении в российские вузы выпускники школ из государств ЦА не могут конкурировать с российскими абитуриентами: они просто не изучали многое из того и в том объеме, что требуется для зачисления в высшие учебные заведения РФ. Практика учета результатов ЕГЭ также является «камнем преткновения» для центрально-азиатских абитуриентов.

И хотя количество студентов из государств ЦА, обучающихся в российских вузах, за последние 15 лет не снизилось, однако существенно увеличивается число абитуриентов, выезжающих на учебу в другие страны. При этом на центрально-азиатский рынок образовательных услуг вышли государства, ранее на нем практически не представленные — Пакистан, Саудовская Аравия, Турция, Иран, Япония. Многие страны предоставляют студентам из ЦА возможность бесплатного обучения.

Тенденция свертывания обучения на русском языке, сопровождающаяся желанием центрально-азиатской молодежи получить высшее образование в западных и восточных вузах, диктует необходимость дополнительной поддержки изучения русского языка.

Однако ряд инициатив РФ в этой области наталкивается на проблемы с местным законодательством, а также восприятием в определенных кругах стран ЦА политики России как «возвращения к традициям Советского Союза».

Анализ опыта работы филиалов российских вузов в государствах ЦА показывает растущую потребность расширения в регионе сети образовательных школ с российской учебной программой. Например, путем спонсирования дополнительных русских классов в школах. Параллельно представляется возможным более активно использовать механизмы дистанционного получения среднего образования на русском языке.

Все это видится важным для привлечения наиболее перспективной молодежи к получению образования в России. При этом средства, выделяемые на обучение студентов, остаются в РФ, так как они вкладываются в российские вузы. Привлекая студентов из ЦА, наши высшие учебные заведения повышают свой международный рейтинг, учитывая количество студентов из зарубежных стран.

Для того, чтобы обучить русскому языку и поддержать эти знания среди населения стран Центральной Азии, естественно, должны активизироваться курсы русского языка. Необходимо также распространять методики и пособия для его самостоятельного изучения. В каждой центрально-азиатской столице желательно открыть центры переподготовки и повышения квалификации учителей русскоязычных школ.

Если говорить о *научно-образовательном сотрудничестве* РФ со странами ЦА, то его интенсивность по сравнению с кооперацией с западными партнерами остается невысокой. Продолжающийся финансовый кризис негативно отражается на взаимодействии в этой сфере.

Для исправления сложившегося положения видится целесообразным создание межгосударственных исследовательских центров и формирование смешанных научных групп для проработки совместных проектов по темам, представляющим взаимный интерес. Представляется достижимым привлечение финансовых средств российских госкорпораций, заинтересованных в развитии на территории ЦА «интересных» для РФ отраслей научно-исследовательских работ. Небесполезной и не требующей масштабного финансирования является организация семинаров, конференций, интернет-форумов и т.д. Могут быть задействованы возможности Университета ШОС, на базе которого целесообразно создание нескольких научных центров. Полезным видится и расширение практики осуществления совместных проектов по грантам научных фондов, например, РГНФ.

Следует также констатировать, что в России очень мало *Фондов поддержки гуманитарного сотрудничества со странами Центральной Азии*. Хотя и существуют Росзарубежцентр и Фонд «Русский мир», однако этого недостаточно. Нет в России и неправительственных организаций (НПО), которые работали бы исключительно в центрально-азиатском регионе. А ведь там уже активно функционируют фонды и НПО, затраты на которые увеличиваются год от года. Государства региона, выступая получателями финансовой и иной помощи, вынуждены следовать в русле интересов западных доноров.

Проблемы поддержки соотечественников, проживающих в ЦА, заключаются, прежде всего, в том, что статус этих людей во многом не отрегулирован двусторонними и многосторонними юридически обязывающими документами. До сих пор на пространстве ШОС не решена проблема двойного гражданства, и только с Таджикистаном у России есть соответствующее соглашение. А соотечественники из других центрально-азиатских стран в РФ приравнены к иностранцам. Вместе с тем, ожидаемое достижение соглашений о двойном гражданстве — это весомый вклад в дело включения соотечественников из ЦА в российское правовое пространство. Кроме того, двойное гражданство станет гарантией для них на случай возникновения экстремальных ситуаций, подобных украинской.

Другая проблема — слабость организационной базы, препятствующая представительному участию соотечественников в региональных мероприятиях. Поэтому важным является создание координационных советов, объединяющих все или большинство

организаций соотечественников в каждой стране региона с целью согласования их усилий для лучшего решения существующих проблем. При этом советы должны иметь информационное обеспечение: интернет-сайт, либо печатный орган, что требует поддержки со стороны российских госструктур или фондов.

Одной из важнейших проблем в гуманитарной сфере является *сложное положение в России мигрантов из стран Азии*. Для развития экономики РФ необходима квалифицированная рабочая сила, однако таковая из государств ЦА поступает редко: в основном это люди без специальной подготовки и образования. Они не знают, в каком регионе РФ есть для них работа, и какие специальности требуются. Это подстегивает незаконную миграцию выходцев из ЦА и обуславливает их правовую незащищенность перед работодателем. Мигранты берутся за незнакомую прежде работу, создавая тем самым проблему качества труда.

Правовое, а значит, и уважительное обращение с мигрантами — это вклад в гармонизацию отношений России со странами ЦА. Поэтому весьма важно формирование благоприятных условий для легальной трудовой миграции в РФ. Крайне полезным видится создание в странах ЦА центров не только для сдачи экзаменов по русскому языку, но и по правовому просвещению, необходимому для пребывания на территории РФ. Также целесообразным видится открытие единой центрально-азиатской биржи труда, обеспечивающей информацией о востребованных в РФ специальностях.

Как позитивную, так и негативную сторону для России имеет *сотрудничество стран Центральной Азии с внерегиональными силами*.

Сравнительно взвешенную и «смягченную» политику в ЦА проводят государства ЕС, которые осуществляют в регионе порядка 15 программ научно-технической помощи. При этом Евросоюз при разработке стратегии в отношении ЦА в определенной мере учитывает позиции России: Брюссель понимает традиционно высокую роль нашей страны в регионе и старается открыто не задевать интересы РФ.

США же, в отличие от ЕС, стремятся нейтрализовать влияние России в Центральной Азии, а также растущую там роль КНР, в которой видят своего основного стратегического соперника. Вашингтон прямо нацелен на расширение отношений со странами региона, в том числе в рамках программы «Партнерство ради мира». Ее целью является наращивание военно-технического и образовательного сотрудничества с вооруженными силами центрально-азиатских стран.

Интересы РФ окажутся под угрозой в том случае, если внешние игроки, недружественные России, продолжат наращивать гуманитарную помощь региону в противоречащих интересам РФ целях. Чтобы сбалансировать этот процесс, России крайне важно расширять собственное присутствие в ЦА, в том числе в гуманитарной сфере. Это способно принести реальные плоды, ибо почти все страны региона предрасположены к сотрудничеству с РФ больше, чем, например, с Ираном, Турцией или США.

Развитие ШОС и рост ее авторитета в мире также ставят вопрос о необходимости усиления российского влияния на образовательном и культурном пространстве Организации. При этом следует обратить особое внимание на то, что все больший интерес к вопросу применения «мягкой силы» в отношении государств-членов ШОС проявляет Китай.

«Мягкая сила» Китая в сотрудничестве с центрально-азиатскими государствами-членами ШОС

С созданием ШОС в 2002 г. Китай связывал планы несилового, юридически обоснованного, взаимоприемлемого проникновения на экономическое пространство ЦА. И в этом смысле ШОС есть плод китайской «мягкой силы». Данный посыл можно аргументировать и тем, что Пекин предложил для Организации протоидеологическую платформу: тезис о «Шанхайском духе», подразумевающий гармоничный мир, взаимодоверие,

взаимовыгоду, равноправие, учет мнений друг друга с помощью консультаций, уважение многообразия культур и стремление к совместному развитию⁶. ШОС — это организация, которой КНР не хочет придавать роль военного союза, то есть инструмента силы «жесткой». На пространстве Шанхайского форума Пекин допускает возможность применения «жесткой силы» только вынужденно, дискретно и в исключительных случаях (массированные выступления террористических сил). Пожалуй, можно сказать, что ШОС для Китая представляет собой и некую попытку формирования «умной силы», то есть способности адекватно, рационально и эффективно сочетать в международных отношениях силу «мягкую» и «жесткую».

Одним из наиболее известных и масштабных «мягкосиловых» проектов Пекина является создание глобальной сети Институтов Конфуция (ИК). К 2020 г. Китай планирует открыть тысячу таких учреждений⁷. Обвинениям в том, что ИК выполняют разведывательную функцию можно противопоставить тот умиротворяющий аргумент, что увеличение числа ИК на всех континентах является одной из форм открытости Китая внешнему миру⁸.

И, конечно же, Китай не скупится на внешнеполитическую пропаганду. По нашим оценкам, он тратит на соответствующие цели до 10 млрд долл. в год. Из них 7 млрд — на зарубежное вещание (радио, ТВ, другие СМИ), вплоть до использования электронных рекламных щитов. Миллионы долларов направляются на финансирование образовательных проектов, обмен студентами и преподавателями⁹. Кроме того, в некоторых вузах КНР «народная (публичная) дипломатия» преподается как учебный предмет в целях подготовки молодого поколения экспертов по соответствующей проблематике¹⁰.

В целом, в мировой политологии факторами успешности МС считаются: наличие общедоступных и привлекательных культурных ценностей и удачной внутренней модели развития, обеспечивающей устойчивый экономический рост и единство общества, эффективных политических институтов, привлекательного международного имиджа, качественного образования и здравоохранения, технико-технологического прогресса и проведение дружественной внешней политики. В Китае немало специалистов, разделяющих эту точку зрения¹¹.

Китайская МС сейчас более эффективна не на западном направлении, а в «третьем мире». Но Центральная Азия — это тот островок мировой развивающейся зоны, где «мягкосиловое» влияние РФ превосходит соответствующее влияние Китая. Пекин это прекрасно понимает, вынужден считаться с этим фактом и поэтому интенсифицирует создание специальных гуманитарных программ для государств Шанхайского форума: в частности, по подготовке специалистов по ШОС, обучению их китайскому языку, увеличению числа стипендий для студентов из центрально-азиатских стран. Для России в центрально-азиатском регионе важно не столько убедить его население в своей международной привлекательности (РФ и так достаточно заманчива для него своим «работодательным» потенциалом), сколько восстановить единое с ним культурное пространство, во многом опирающееся на сохранение русского языка. Здесь возможности у РФ есть. Так, в Казахстане, по данным Gallup, рейтинги новостных программ на русском в разы выше, чем у аналогичной продукции на казахском языке. В странах Центральной Азии смотрят либо ретранслируемые российские каналы, либо закупленную местными телевещателями российскую продукцию. В свое время репортажи и передачи российских каналов оказали заметное влияние на рост антиамериканских настроений в Киргизии и изменение статуса авиационной базы «Манас»¹².

В регионе пользуется спросом и русскоязычная печатная продукция: в Казахстане 75—90% книг, поступающих в продажу, ввозятся из России. В Киргизии на российские научные и научно-популярные книги приходится примерно 70—75% библиотечных фондов в Бишкеке¹³. Сохранение русского языка в Центральной Азии — мощное конкурентное преимущество, которое трудно переоценить.

Не стоит забывать о гуманитарной силе самого массового из искусств — кино. Следует поддерживать интерес к русскому языку с помощью продукции нашей киноиндустрии, продумать возможность осуществления совместных кино- и телепроектов и поощрять проникновение ТВ-каналов из стран ЦА в Россию.

Ввиду указанных выше обстоятельств у РФ больше возможностей для представительства на культурно-образовательном, кинематографическом и телевизионном рынке ШОС, особенно в ее центрально-азиатском сегменте, чем у Китая, и это также следует использовать. У КНР есть трудности в продвижении своей гуманитарной продукции за рубеж в силу специфики китайского менталитета и образа жизни, особой сложности языка, в ряде случаев — отсутствия общей культурно-исторической базы со странами-реципиентами. А в области киноэкспорта у КНР просто нет достаточного опыта.

Значение ГС для двух ее «стержнеобразующих» государств — России и Китая можно проиллюстрировать положениями дискуссии двух экспертов: российского В. Ларина и китайского — Гао Чжунъи¹⁴. Известный российский ученый В.Л. Ларин считает вопрос о состоянии российско-китайских гуманитарных связей гораздо более важным, нежели совершенство экономических отношений двух стран, поскольку пока «самым слабым звеном нынешней конструкции» российско-китайского стратегического партнерства ему видится отсутствие в ней массовой общественно-политической опоры. Российский эксперт полагает, что и китайские, и российские школьные программы и учебники дают примитивные знания о стране-соседе, из которых в дальнейшем складывается неверное или негативное восприятие друг друга. В этой связи В. Ларин подчеркивает значение подготовки истинных профессионалов — специалистов-синалогов, а в Китае — русистов, которых пока катастрофически не хватает. Гао Чжунъи считает, что многие крупные проекты сотрудничества тормозятся именно из-за недопонимания и по этой же причине с трудом набирает обороты двустороннее инвестиционное взаимодействие, часты торговые трения¹⁵.

Тем не менее, российско-китайские культурные связи имеют достаточно крепкий фундамент, возведенный еще во времена великой дружбы КНР и СССР. В Китае признают, что страны ЦА находятся под большим влиянием русской культуры, и что именно русский язык служит универсальным языком общения в регионе. На официальном уровне китайцы стараются рассматривать это обстоятельство в позитивном ключе, поскольку оно-де создает в ШОС «уникальные условия для содействия обмену и сотрудничеству в гуманитарной сфере»¹⁶.

За годы своего существования ШОС удалось заложить базу сотрудничества в области культуры, образования, защиты окружающей среды и ликвидации последствий стихийных бедствий. С 2005 г. реализуются документально закрепленные планы многостороннего культурного взаимодействия. Некоторые «общешосовские» мероприятия имеют четкую периодичность. Например, перекрестные Дни культуры в государствах-членах ШОС, ежегодные фестивали культуры и искусства стран Организации.

Во время официального визита В.В. Путина в Китай в мае 2014 г. между РФ и КНР был подписан целый ряд важных документов, среди которых можно выделить три, относящихся к гуманитарной сфере. Это Меморандум о взаимопонимании между Российско-китайским инвестиционным фондом и компанией «Vcanland» в отношении учреждения фонда по инвестированию в отрасль недвижимости для пожилого населения и туризма; Соглашение о сотрудничестве между общественными организациями «Деловая Россия» и China Federation of Industrial Economics; Меморандум о взаимопонимании между министерствами образования РФ и КНР о сотрудничестве по проекту создания российско-китайского университета Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова и Пекинским технологическим университетом.

Этим стороны выразили свое намерение придать их гуманитарному взаимодействию стабильный, долгосрочный характер.

Возможные совместные шаги России и Китая в области укрепления гуманитарного сотрудничества в рамках ШОС

Развитие ситуации на международной арене обостряет вопрос о совершенствовании стратегического партнерства России и Китая. Надо учитывать вероятность того, что при неблагоприятном развитии событий Москва и Пекин в одиночку не смогут успешно решать возникающие проблемы.

Для поддержки совпадающих интересов Китая и России в ЦА целесообразны совместные усилия по превращению ШОС в важный элемент региональной безопасности, в частности, путем укрепления «внутришосовского» гуманитарного взаимодействия.

Отметим крайнюю желательность следующих китайско-российских инициатив по развитию гуманитарного потенциала ШОС.

Совершенствование информационной политики в рамках ШОС. Еще в 2008 г. грузино-осетинский конфликт выявил проблемы в информационном обеспечении и освещении событий. На саммите в Душанбе тогдашний президент РФ Д. Медведев был вынужден разъяснять лидерам государств-членов и наблюдателей ШОС суть происшедших на Кавказе событий.

Это свидетельствует о том, что, во-первых, не все лидеры государств имели полное представление о юго-осетинском кризисе, а во-вторых, что информационная политика в ШОС оставляет желать лучшего. В рамках Организации до сих пор не создано единой информационной сети, и в ее центрально-азиатском сегменте продолжается «ретрансляция» западных трактовок положения дел¹⁷.

Очевидно, что первоочередной задачей российско-китайского гуманитарного взаимодействия в плане выправления ситуации в медийной сфере должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС: на телевидении, в прессе, на радио. В этой связи целесообразным видится создание радио- и телевизионного канала «Новости Евразии» (Eurasia News), либо обеспечение широкой доступности телеканала «Мир» для населения не только стран-участниц ШОС, но и наблюдателей и партнеров по диалогу. Важным представляется и создание печатного органа ШОС, например, доступной общественно-деловой ежедневной газеты, выходящей на языках стран Организации.

Со дня своего основания ШОС декларировала необходимость **сотрудничества в области здравоохранения**. Но поскольку эта сфера во многом — конкурентная отрасль, то кооперация стран-членов Организации в этом направлении носила (и носит до сих пор) дискретный характер. Правда, на саммите глав государств ШОС в Шанхае в 2006 г. Секретариату было поручено разработать план взаимодействия ведомств, отвечающих за вопросы здравоохранения, а также сформировать целевую экспертную группу, действующую на постоянной основе, что пока не принесло ощутимых результатов.

Необходимость наращивания сотрудничества в сфере здравоохранения диктуется реальным положением дел. Во многих странах ЦА состояние лечебной базы из-за нехватки средств является неудовлетворительным, наблюдается острый дефицит квалифицированных кадров, информированность среди профессионалов-медиков невысока, а осведомленность высокоуязвимых к заболеваниям групп населения вообще оставляет желать много лучшего¹⁸.

Следует отметить, что к настоящему времени страны ЦА с помощью международных здравоохранных организаций достигли определенных успехов в борьбе с некоторыми заболеваниями, в частности, туберкулезом (ТБ). Тем не менее, вопрос о качестве медицинской помощи продолжает оставаться крайне острым, и он напрямую связан с проблемой предотвращения заболеваемости на всем пространстве ШОС.

Еще одним фактором эпидемического риска является сама глобализация мировой экономической жизни, сопряженная с ростом миграции рабочей силы, индустриализацией и интернационализацией торговли продовольствием. При массовом производстве

и переработке продуктов питания, при экспорте замороженных продуктов и полуфабрикатов повышается вероятность обширных трансграничных эпидемий. Поэтому особо остро для ШОС встает вопрос о качестве санитарного контроля на границах, состоянии экспортно-импортных продуктов питания, о здоровье скота, содержащегося в приграничных районах и служащего сырьем для мясомолочной промышленности. Думается, внимание этому вопросу должен в первую очередь уделить Китай, который является не только крупным экспортером продовольствия, но и третьим по объему мировым донором продуктов питания¹⁹.

Огромный ущерб здоровью населения стран ШОС наносит наркоторговля. Только в Россию из Афганистана ежегодно переправляется около 100 т чистого героина, и число жертв наркомании превышает ежегодные потери СССР времен афганской военной кампании. Несмотря на строгость законов, потребление наркотиков растет и в Китае. В стране удается изымать только 18% ввозящихся наркотических средств²⁰.

В перспективе смягчению проблем здравоохранения в ЦА могло бы способствовать учреждение Шанхайской организации здравоохранения (ШОЗ), имеющей задачей создание единой сети медицинской помощи и страхования и предоставление качественного медицинского обслуживания гражданам государств-членов ШОС в любой стране-участнице Организации.

Пока же Шанхайский форум, ввиду скромности его бюджета, мог бы ограничиться созданием условий для обучения лаборантов по исследованию биологического материала с целью эффективного выявления случаев особо опасных инфекций, в том числе мультирезистентного ТБ, полиомиелита, чумы, малярии; а также для подготовки врачей и фельдшеров-фтизиатров; консультирования медицинских учреждений, курирующих зараженных людей, проведения действенного эпидемиологического мониторинга, повышения ответственности санитарного контроля в пунктах пересечения границ²¹. Профилактика, выявление и лечение болезней эпидемического характера — весьма актуальная и важная задача для многих стран ШОС, учитывая, что Азия периодически подвергается вспышкам массовых заболеваний. Страны ШОС по совместной инициативе Москвы и Пекина могли бы в перспективе создать единый исследовательский центр по разработке вакцин, новых лекарственных средств, а также диагностических и антинаркотических тест-систем.

Видится целесообразным и привлечение стран ШОС к практике здравоохраненных учений, опыт которых на региональном уровне имеет АТЭС, а на страновом — МЧС России.

Сотрудничество в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Российско-китайское взаимодействие в такой особой (практической) сфере гуманитарной кооперации, как предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций (тот самый «modus operandi», о котором говорилось в начале статьи) видится не только возможным, но и целесообразным. Оно послужило бы важным механизмом формирования положительного имиджа российско-китайского тандема в глазах населения центрально-азиатских стран. Известно, что регион ЦА периодически подвергается оползням, землетрясениям, засухе, заморозкам и прочим природным катаклизмам. Особенно страдают от их последствий экономически менее успешные страны региона, а также ряд провинций КНР. В силу этого международная кооперация в деле оказания помощи пострадавшему населению имеет несомненную гуманитарную ценность.

Хотя эта сфера сотрудничества была записана в руководящих документах ШОС, однако продолжительное время должного внимания ей не уделялось. И только в 2005 г. между правительствами государств ШОС было подписано Соглашение о взаимодействии при ликвидации чрезвычайных ситуаций (ЧС). Однако стороны так и не рассмотрели вопрос о создании постоянно действующего специализированного центра. В его отсутствие странам ЦАР приходится каждый раз просить помощи у соседей, что не только

не решает проблему, но и затрудняет процесс развития национальных служб ЧС: их специалисты не имеют должной подготовки и не могут адекватно отвечать на вызовы природы или техногенные катастрофы.

Учитывая большой опыт МЧС РФ, Москва могла бы стать инициатором и — совместно с Пекином — спонсором создания единого центра ШОС по формированию служб ЧС и управления ими. Финансирование деятельности центра могли бы осуществлять страны Организации по долевному принципу.

Сопутствующая задача здесь — создание необходимых правовых и организационных условий для проведения совместных спасательных операций, включая подготовку и тренировку персонала по единым методикам и его быструю переброску, а также обеспечение совместимости технических средств²².

Сотрудничество в области экологии. Тяжелой экологической проблемой в ШОС является обмеление Аральского моря. Это крупнейшее экологическое бедствие современности вызвало резкое ухудшение условий жизни сотен тысяч людей не только в Приаралье, но и на соседних пространствах ШОС. Кроме того, в районе Ферганской долины большую опасность представляют захоронения радиоактивных отходов. Страны ЦАР глубоко озабочены проблемами природоохранной сферы и пытаются проводить соответствующие мероприятия при содействии международных организаций: ПРООН, ОБСЕ, ЕС, Международного фонда спасения Арала и др.

В 2004 г. в ШОС была достигнута договоренность о сотрудничестве по вопросам охраны окружающей среды и сохранения экологического баланса в ЦАР, предотвращения опустынивания земель, а также по противодействию другим деградиционным процессам. Но свое развитие кооперация в этой сфере получила лишь в 2006 г., когда началось проведение регулярных встреч соответствующих экспертных групп. В результате их работы были утверждены проекты «Прогнозирование водности трансграничных рек бассейна Аральского моря» и «Расширение сотрудничества в области охраны окружающей среды и улучшения экологии бассейна Аральского моря».

Несмотря на стремление ШОС разрешить многочисленные экологические проблемы стран-участниц, справиться с ними собственными силами она не может. Поэтому в этой области российско-китайскому тандему в ШОС следует принять меры по налаживанию регулярного взаимодействия с международными структурами, в частности, с ЮНИСЕФ, ЮПФПА, Всемирным и Азиатским банками и другими финансовыми институтами. Крупный казахстанский дипломат Б. Нургалиев в его бытность генеральным секретарем ШОС не раз подчеркивал мысль о целесообразности подключения международного ресурса: *«Только если к усилиям государств Центральной Азии, а также ШОС... присоединятся дружественные страны и институты системы ООН..., можно добиться прогресса в... реализации проектов по восстановлению благоприятных условий для жизнедеятельности населения Приаралья, в области охраны здоровья населения и окружающей среды, создания новых рабочих мест, улучшения бытовой инфраструктуры, восстановления биоразнообразия»*²³.

В заключение следует отметить, что использование возможностей «мягкой силы» должно стать самоценным вектором внешней политики РФ, нацеленным на поддержание положительного международного имиджа нашей страны. Если Россия не будет целенаправленно и постоянно уделять внимание развитию своей МС, вкладывая в нее достаточные средства, то соперники РФ смогут расширить собственное культурное присутствие также и в ЦАР и заметно потеснить нашу страну с занимаемых ею позиций.

Гуманитарное сотрудничество России со странами центрально-азиатского региона устойчиво продолжается: где-то РФ поддерживает свое влияние, где-то утрачивает, однако пророссийское пространство в ЦА сохраняется. И его консолидация с помощью «мягкой силы» есть важная предпосылка успешного, жизнеспособного позиционирования РФ в Центральной Азии и в ШОС в целом.

Подводя итог вышеизложенному, следует подчеркнуть, что России следует незамедлительно принять меры по усилению ее «мягкосиловых» позиций в ЦАР, которые, несмотря на их сужение за последние 20 лет ввиду целого ряда причин исторического, культурного и экономического плана, все еще превосходят по значению и качеству позиции Китая. Не стоит терять это конкурентное преимущество.

ШОС все более явно становится структурой активного политического и экономического взаимодействия, и гуманитарное сотрудничество, несомненно, благоприятствует сближению народов стран Евразии. Реализация предложенных выше российско-китайских инициатив, став новым гуманитарным «прорывом», способствовала бы усилению не только «мягкосиловых» позиций, но и общего потенциала Организации.

1. См., например: *Абов Е.* Между журналистикой и пропагандой: публичная дипломатия в СМИ. — URL: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/mezhdue-zhurnalistikoy-i-propagandoy>.
2. См. *Реззенова Д. Б.-О.* Исторический опыт стратегичности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая. URL: <http://vak2.ed.gov.ru/idcUploadAutoref/renderFile/86152>. С. 16–17.
3. За сколько купили Украину? URL-http://www.stoletie.ru/politika/magkaja_sila
4. Там же.
5. По данным опросов, проводившихся центрами «Ижтимоий Фикр», SIAR — Bishkek и Gallup в 2003–2008 гг.
6. URL: http://russian.news.cn/2012-12/28/c_132069167.htm.
7. URL:http://www.foreignpolicy.com/articles/2012/11/18/chinas_soft_power_surge&hl=ru&gl=ru&strip=0.
8. См. Ibid.
9. *Seib Ph.* China: The First Soft Power Superpower. URL:http://www.huffingtonpost.com/philip-seib/china-the-first-soft-power-superpower_b_1552545.html.
10. Ibid.
11. См.: *Li Mingjiang.* China Debates Soft Power. URL: <http://cjp.oxfordjournals.org/content/2/2/287.full>.
12. *Мендкович Н.* Слабости нашей «мягкой силы». URL:http://www.odnako.org/almanac/material/show_24289/
13. Там же.
14. См. Сайт Консульства КНР в Хабаровске. — <http://www.chinaconsulate.khb.ru/rus/xwdt/t201780.htm>.
15. Там же.
16. Жэньминь жибао он-лайн. URL:<http://russian.people.com.cn/31521/4471375.html>.
17. См. Сайт Центра новостей ООН. URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=5636>.
18. *Сафронова Е.И.* 10 лет ШОС: некоторые итоги сотрудничества стран Организации в области здравоохранения и ликвидации чрезвычайных ситуаций//Китай в мировой и региональной политике. История и современность. — М.:ИДВ РАН,2011. С. 97.
19. *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия стран-членов Шанхайской организации сотрудничества за пять лет ее существования//Шанхайская организация сотрудничества. К новым рубежам развития. — М.:ИДВ РАН,2008. — С. 172. Сайт Центра новостей ООН. — <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=5903>.
20. *Назаралиев Ж.* Евразийский защитный зонг против афганского экстремизма. URL: knews.kg/columnist/32027_jenishbek_nazaraliev_evraziyskiy_zaschitnyiy_zont_protiv_afganskogo_ekstremizma_
21. Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Некоторые итоги гуманитарного взаимодействия...С.174–176; а также Сайт Всемирного банка. URL: <http://web.worldbank.org>.
22. Подробнее см.: *Сафронова Е.И.* Указ. соч. С. 175–178.
23. Официальный сайт ШОС. URL: <http://www.sectsc.org/ru123/show.asp?id=81>.